

БЕДНЯКИ В ДОКОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНЕ: КТО ОНИ? (ОПЫТ РЕГИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ)*

Аннотация. Статья написана на основе материалов Государственного архива Тульской области. Основное внимание уделяется анализу критериев выделения бедноты в доколхозной деревне: общепринятые показатели бедности, такие, как площадь посева, наличие рабочего скота и др. подвергаются аргументированной критике. Автор анализирует типы бедняков: по нужде, бедняк-разгильдяй; рассматривает сосуществование бедноты с другими группами селян.

Ключевые слова: бедняк, критерии бедноты, трудолюбие, сельскохозяйственный инвентарь, площадь посева.

В отечественной историографии при рассмотрении доколхозного крестьянства значительное внимание уделялось зажиточным селянам, рассматриваемым через призму «классовой борьбы» [18]. Для выделения кулачества использовались различные критерии. Если в 1920-х гг. к кулаку относили крупного арендатора земли, эксплуататора односельчан и т.д., то в начале 1930-х гг. им мог быть объявлен любой, отказавшийся вступить в колхоз [7, 124; 10, 25-28; 11, 115, 135-136; 20, 55-59, 81; 6, 144]. Своего «классового врага» советские идеологи стремились «знать в лицо». Выявлению же союзника пролетарского государства – бедноты и маломощного середнячества – ими уделялось недостаточно внимания. Критерии деревенской бедности варьировали от простых (наличие рабочего скота, площадь посева) до более сложных (подверженность эксплуатации со стороны кулачества). Сейчас историкам нет необходимости соотносить данные источников с идеологическими установками, что позволяет сделать иное осмысление проблем доколхозного села. В нашей работе мы остановимся не только на общепринятых критериях бедняцких хозяйств, но и рассмотрим отношение самих крестьян к бедности. Статья написана по материалам Государственного архива Тульской области. Автор использовал фонды Тульского губернского исполнительного комитета (Р-95), «Тульская губернская газета “Деревенская правда”» (Р-345), Тульского союза воинствующих безбожников (Р-990) и «Ржавский райисполком Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Тульской губернии» (Р-1851).

К началу НЭПа в деревне был еще силен

идеал трудолюбивого крестьянина, достигшего собственным трудом благосостояния. Бедность хозяйства обычно считалась результатом постигшего семью бедствия (потеря кормильца, работника, пожар и т.д.) или недобросовестного труда домочадцев. В условиях противоречивого отношения к бедноте в деревне – от сочувствия до презрения – государство предприняло серию мер, засвидетельствовавших, что беднота для него – объект пристального внимания. К ним можно отнести льготы по продналогу и других «повинностям», введение бесплатного землеустройства и др.

Типичными критериями, по которым хозяйства относились к бедняцким, были площадь посева, наличие необходимого исправного инвентаря, а также состав семьи, включая работников. Размер посевов бедняцких хозяйств колебался от одной до шести десятин. В 1926 г. в СССР (без Узбекской и Туркменской республик) имелось 4,4% хозяйств без посева, 31,19% – с посевом 0,1-2 десятин (далее – «дес.») и 49,5% – с посевом 2,1-6 дес. Исследователи относили к бедняцким от 35,6 до 40% хозяйств [15, 25].

Площадь посева могла не иметь значения для отнесения хозяйства к бедняцкому. Важнее была реальная способность хозяйства к ее обслуживанию, напрямую связанная с наличием и исправностью «живого» (рабочий скот) и «мертвого» (плуг, соха и т. д.) инвентаря. Обеспеченность крестьянских хозяйств инвентарем, наряду с площадью посева, учитывалась Комиссией СНК по тяжести налогообложения. Бедняцкими ею признавались хозяйства: 1) без посева или с посевом до одной дес., с одной лошадей; 2) с посевом до четырех дес., без рабочего скота; 3) обрабатывавшие от четырех до шести дес. земли без лошади. Эта комиссия насчитала в деревне 22,1% бедняков [29, 13-14]. Однако если хозяйство при минимуме посевов могло содержать лошадь, то это свидетельствовало о том, что земледелие не было его основным занятием. Работники в нем были заняты отхожими промыслами или выполняли работу по найму. Бедняк же земледельческого района, не смог бы содержать лошадь, так как она «объедала» его хозяйство [28, 13].

С другой стороны, к бедняцким можно отнести только безлошадные хозяйства. В середине 1920-х гг. их было от 30 до 37% [15, 26, 27; 20,

* © Федотов А.В.

14]. Кроме нехватки рабочего скота, бедняцкие хозяйства испытывали недостаток в т.н. «мертвом» инвентаре. Так, в 1922 г. 21,4% крестьянских хозяйств Тульской губернии не имело ни плугов, ни сох [21, 5]. Но, в силу специфики региона, земледелие было основой хозяйствования жителей черноземной (южной) природно-климатической зоны губернии. В нечерноземной (северной) крестьяне занимались, в основном, скотоводством и промыслами [25, 83]. Следовательно, отсутствие или неисправность земледельческого инвентаря было подлинным бедствием для «южан».

Отдельные крестьяне специально не приобретали лошадь, оставаясь «бедняками». Так, житель д. Княгинино (Узловский район), П. Шишков не покупал лошадь, чтобы не прослыть середняком. При этом он арендовал землю, а пахать нанимал однолошадных бедняков. Весной он занимался мелким кредитованием – раздавал бедноте займы хлеба: за два пуда – возврат три пуда и бутылка самогона [2, 10].

Проблемой многих крестьянских хозяйств было конокрадство. «Крестьянство остается совершенно бедняками, продавая последнюю корову от детишек, покупая клячу, чтобы всковырять землю. ... При поимке конокрада крестьянам спасение, если они убьют или искалечат его. Если он попадет в уголковку, то она для него как дом родной» [1, 114].

Альтернативой покупке рабочего скота местами стала организация т.н. «супряг» и товариществ по совместному использованию лошадей. Считалось, что супряги помогут преодолеть индивидуализм и перерастут в будущем в более сложные коллективы [8, 160; 22, 10].

Еще одним критерием выявления материальной обеспеченности хозяйства было количество работников. Бедноте всегда не хватало рабочих рук. При шести едоках в хозяйстве мог быть только один работник [17, 198]. Поэтому беднота не имела возможности полноценно выполнять все крестьянские работы [23, 33].

Э.Х. Карр считал основной причиной распространения хозяйств с дефицитом работников измельчание крестьянских дворов из-за распада больших семей [16, 139]. Большая патриархальная крестьянская семья начала постепенно разрушаться еще с 60-х гг. XIX века [9, 124]. В 1920-х гг. эти процессы продолжались. «В большой семье есть один огромный недостаток – в семье нет равенства: свекровь не считает молодую сноху равной себе и младший сын часто не имеет одинаковых прав со старшими своими братьями, не говоря уже о том, что отец ни за что не захочет признать равенства со своими детьми» [12, 2]. Постоянные конфликты приводили к распаду крупных семей. Иногда число семейных разделов опережало при-

рост населения [26, 27].

У крестьян имелись собственные критерии отнесения своих соседей к беднякам. Большинство крестьян требовало разграничивать понятия «бедняк-разгильдяй» и «бедняк по нужде» [23, 88]. Первым считался крестьянин, не способный самостоятельно наладить свое хозяйство. В деревнях было много т.н. «коренных», потомственных бедняков. Они не столько не могли, сколько не стремились улучшить свое положение. Соседи характеризовали их так – это те, кто «долго летом спит в холодке, по соседям шляется болтать и, если заведется копейка, то тащит в лавочку на рыбу или еще что: любит хорошо поесть» [26, 27]. Деревня также пополнилась возвратившимися в нее отходниками и горожанами крестьянского происхождения. Получив землю, они долго не могли обзавестись скотом и инвентарем и привыкнуть к новому рабочему ритму [30, 44].

Меры властей по экономической поддержке малоимущих хозяйств (льготы по натуральному налогу и проч.) привели к тому, что быть бедняком стало выгодно. Многие бедняки, чтобы не потерять льготы, даже и не пытались укреплять свои хозяйства, вызывая зависть трудолюбивых односельчан [22, 12]. Ведь продукты, которые середняки добывали со значительными затратами, беднякам доставались практически даром. И.А. Кузнецов отметил, что в сознании крестьянина величина доходов при оценке своего и чужого хозяйства всегда соотносилась с мерой затраченных на их получение усилий. Чем больше труда вкладывалось в продукт, тем ценнее он был в глазах крестьянина [19, 179]. Выходило, что «бедняки-разгильдяи» получали тот продукт, который остальным крестьянством приобретался с трудом, непропорционально малыми усилиями.

И.В. Чемоданов полагает, что типичная установка деревенских «разгильдяев» может быть сформулирована в такой обреченной форме: «мы были бедняками, бедняками и останемся» [32, 127-128]. Массовая пропаганда таких упаднических настроений подогревалась и прессой. Так, в журнале «Новая деревня» отмечалось: «Если крестьянин родился в семье захудалой, слабой, без достаточного количества рабочей силы и бедной в хозяйственной отношении, то такого ждут тяжкие испытания: какой ни будь он способный человек к труду, все-таки его ждет нужда и избавиться от нее редко кому удается» [12, 2].

«Бедняки по нужде» – это хозяйства, лишившиеся имущества из-за пожара или другого бедствия, либо потерявшие работников. В отличие от «разгильдяев», они относились к труду добросовестно. Они были «трудолюбивыми по сельскому хозяйству, но бедность не давала им подняться на твердую почву» [14, 109-110]. Деревянные жилища,

топившиеся «по-черному», распространенность умышленных поджогов – все это способствовало росту числа «бедняков по нужде», пожалуй, ничуть не меньше, чем конокрадство.

Бытовые условия бедноты провоцировали немало опасностей для жизни и здоровья их работников. «Живет бедняк в маленьких низких избах, обмазанных глиною...» или «в простых землянках с узкими окнами...». С грязным земляным полом, который метут раз в день... Воздух в доме настолько душен и тяжел для дыхания, что своим запахом походит на анатомическую комнату университета... Имеется также 2-3 глиняных горшка с пустыми щами и похлебкой... и кадка с квасом, на укус похожим» [24, 39-40]. Подобная антисанитария могла стать причиной многих заболеваний. Время от времени в разных деревнях и целых районах вспыхивали эпидемии: коклюша, сифилиса и др. [3, 12; то же, 4].

Крестьянские представления о бедноте отменялись и среди членов партии. С.И. Дегтев указывал, что в некоторых ячейках обнаруживался «политически неверный подход к бедноте». Члены ячеек делили бедняков на категории «с ленцой», «с запросами на безделье», «бесхозяйственные», «лодыри», они же «враги партии и советской власти» и т.д. [13, 131].

Во внутриселенных отношениях бедняки поддерживали отношения и с зажиточными, и с середняками. В условиях слабой и нерегулярной экономической государственной помощи бедняки обращались за помощью к кулакам, зачастую совершенно искренне считая их своими благодетелями. Многие из них заявляли: «зачем обижать нанимателей батраков, они ведь наши кормильцы; если богатый согласится, то и я согласен» [32, 127]. Т.А. Мищенко заметила, что беднота нередко выступала защитником интересов кулачества [23, 131].

Она описала интересную особенность поведения бедняков на сельском сходе – они последними приходили на сход и первыми с него уходили. Такое происходило из-за понимания бедняками неприязни к ним со стороны других участников собрания [там же]. Беднота одинаково безынициативно вела себя и на общинных советах, и на собраниях избирателей. «На избирательные собрания они являлись в значительно меньшем проценте, чем середняки и зажиточные. На самих собраниях часть их держалась иногда до того пассивно, что даже не принимала участия в голосовании» [31, 25].

Бедняки были инициативны обычно только в своем кругу. Так, в Рудневском районе «активная группа бедноты вынесла постановление лишить избирательных прав всех остальных граждан, якобы, за то, что «они эксплуатировали их (бедняков)

всю жизнь» (1927 г.) [5, 35]. Видимо, это была некая частная беседа группы бедняков, весть о которой быстро распространилась среди остальных жителей деревни и добралась до сводок Тулгубисполкома. Допусти бедняки подобное «вольнодумство» в присутствии других жителей деревни, они рисковали быть избитыми.

Селяне, зная нетрудолюбие бедноты, считали, что они не смогут нормально работать и в сельских органах управления. Один из священников наставлял прихожан: «Братия! Уж если вы решили выбирать сельсовет, то выбирайте в него только зажиточных. Их сам Бог благословляет, да и люди они умные. Бедняки – это глупцы и делами они управлять не смогут» [4, 16]. На юго-западе России в одном из сел на окнах были вывешены рукописные прокламации: «Не выбирайте лодырей-бедняков в Совет, а выбирайте зажиточных» [23, 133]. Беднота не обладала необходимым авторитетом, уважением со стороны односельчан и даже если попадала в сельсоветы, то оставалась в их глазах «лодырями» и «глупцами». Однако, как отмечал Г. Рыклин, председатели многих волисполкомов происходили из бедняков, включившихся в советскую работу еще во время Гражданской войны [27, 64]. Бедняки «во власти» вступали в партию и довольно прочно закреплялись в системе местного управления. Многие из них даже «привыкли быть персонально несменяемыми руководителями» [31, 27].

Основными источниками пополнения рядов деревенской бедноты можно считать распад крупных дворов и различные недостатки деревенской повседневности – пожары, конокрадство и др. Способность хозяйства к выходу из бедственного положения во многом определялась отношением крестьянина к труду. Наиболее оправданным критерием для отнесения хозяйства к бедняцкому, по нашему мнению, является размер семьи и число работников в ней. Его можно использовать по отношению и к промышленным, и к земледельческим районам. Но государственные органы зачастую оперировали собственными критериями: инвентарность, площадь посева и т.д. Маломощные крестьяне обычно исключались из внутридеревенского самоуправления, хотя часть их оказалась в органах советского управления – сельсоветах, волисполкомах и т.д.

ИСТОЧНИКИ:

1. ГАТО. Ф. Р-95. Оп. 1. Т. 2. Д. 127.
2. ГАТО. Ф. Р-345. Оп. 2. Д. 7.
3. ГАТО. Ф. Р-345. Оп. 2. Д. 12.
4. ГАТО. Ф. Р-990. Оп. 1. Д. 17.
5. ГАТО. Ф. Р-1851. Оп. 1. Д. 7.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

6. Борисов Ю.С. Эти трудные 20-30-е годы // Страницы

- истории советского общества: факты, проблемы, люди / Под общ. ред. А.Т. Кинкулькина; Сост.: Г.В. Клокова и др. – М.: Политиздат, 1989. 447 с. С. 121-157.
7. Брике С. Западно-сибирская деревня // На аграрном фронте. 1927. № 7. С. 124.
 8. Булгакова Н.И. Сельское население Ставрополя во II половине 20-х–начале 30-х гг. XX в.: изменения в демографическом, хозяйственном и культурном облике: Дисс. ... к. и. н.: 07.00.02. – Ставрополь, 2003.
 9. Вронский О.Г. Крестьянская община на рубеже XIX-XX вв.: структура управления, поземельные отношения, правопорядок. – Тула: ТО ИРО, 1999. 153 с.
 10. Гайстер А. Соотношение классов и групп в деревне // На аграрном фронте. – 1927. № 10. – С. 25-28.
 11. Голос народа: письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. / Ин-т рос. истории РАН; Сост. вступ. ст. А.К. Соколов. – М.: РОССПЭН, 1998. 326 с.
 12. Гуров П. О семейных разделах // Новая деревня. – 1922. № 10. – С. 1-11.
 13. Дегтев С.И. Крестьянство и формирование низовых властных структур деревни в 20 гг. // Власть и общественные организации в России в первой трети XX столетия / Отв. ред. А.Ф. Киселев. – М.: Магистр, 1993. 159 с. – С. 128-134.
 14. Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927-1932 гг. / Под ред. В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого. – М.: Политиздат, 1989. – 526 с.
 15. Дубровский С. Расслоение крестьянства и задачи партии в деревне // На аграрном фронте. 1927. № 11-12. – С. 25-32.
 16. Карр Э.Х. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917-1929: Пер. с англ. Л.А. Черняховской. – М.: Интер-Версо, 1990. – 208 с.
 17. Климин И.И. Российское крестьянство в годы новой экономической политики (1921-1927). Часть первая. – СПб.: Изд-во политехн. ун-та, 2007. – 428 с.
 18. Крицман Л.Н. Классовое расслоение в советской деревне. По данным волостных обследований. – М.: Изд-во Ком. акад., 1926. – 190 с.
 19. Кузнецов И.А. Письма в «Крестьянскую газету» как источник для изучения менталитета российского крестьянства 1920-х гг. Дисс. к.и.н.: 07.00.02. – М., 1992.
 20. Ларин Ю. Советская деревня. – М.: Экон. жизнь, 1925. – 384 с.
 21. Мамонов П. Сельскохозяйственная компания 1922 года и работа РКП(б) в ней // Трудовое хозяйство [Орган Тульских: Губземуправления, Губпродкома и Губсоюза]. 1922. № 2. – С. 1-11.
 22. Мамонтова Э.А. Социально-экономические аспекты новой экономической политики в деревне Тамбовской губернии 1921-1929 гг. / Автореферат дисс. к.и.н.: 07.00.02. – Воронеж, 2004.
 23. Мищенко Т.А. Образ жизни крестьянства юго-западных губерний Центра России в 1921-1927 гг.: Традиции и новации. Дис. к.и.н.: 07.00.02. – Брянск, 2004.
 24. Мостяева Л.В. Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи в 1921-1932 гг. (на материалах Рязанской, Тульской и Московской губерний): Дисс. к.и.н.: 07.00.02. – Рязань, 2002.
 25. Отчет о деятельности Тульского губернского исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов за 1922 г. – Тула, 1922. 132 с.
 26. Росницкий Н. Лицо деревни. По материалам обследования 28 волостей и 32 730 крестьянских хозяйств Пензенской губернии. – М.: Гос. изд-во, 1926. – 126 с.
 27. Рыклин Г. Волостные и районные исполкомы // Сельсоветы и воллсполкомы: Сб. статей / Под ред. Я. Яковлева, М. Хатаевича. – М.-Л.: Гос. изд-во, 1925. 127 с. – С. 55-68.
 28. Спутник агитатора. – 1928. № 5. – С. 12-13.
 29. Тяжесть обложения в СССР. (Социальный состав, доходы и налоговые платежи населения Союза ССР в 1924-1927 гг.). Доклад комиссии СНК СССР по изучению тяжести обложения населения Союза. – М., 1929.
 30. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. / Пер. с англ. – М.: РОССПЭН, 2001. – 422 с.
 31. Хатаевич М. Итоги перевыборов // Сельсоветы и воллсполкомы: Сб. статей / Под ред. Я. Яковлева, М. Хатаевича. – М.-Л.: Гос. изд-во, 1925. 127 с. – С. 13-42.
 32. Чемоданов И.В. Вятское крестьянство в период НЭПа (1921-1929 гг.): Дисс. к.и.н.: 07.00.02. – Киров, 2005.

A. Fedotov

THE POOR IN THE PRE-KOLKHOZ VILLAGE: WHO ARE THEY? (THE EXPERIENCE OF REGIONAL RESEARCH BASED ON TULA PROVINCE'S MATERIALS)

Abstract. The article is based on the documents of the State Archive of Tula Region. The work focuses basically on analyzing the criteria for identification of the poor in the Soviet pre-kolkhoz village: the poverty measures generally accepted such as acres of crops, availability of draft cattle, etc. receive reasoned criticism. The author analyses intra-peasant types of the poor: a poor of necessity and a loafer poor; considers co-existence of the poor with the villagers from other property groups.

Key words: the poor man, criteria of the poor, diligence, agricultural stock, the crops area.